

Двадцатитрехлетний белобрысый Влад Давиденко стал первым рабом в гареме Дасти. Она регулярно приглашала его, сношая по часу в игровой комнате.

Ритуал причащения — всегда праздник для томящегося раба. Так любовники ждут встречи с дамой сердца, сексуальной разрядки в страстных объятиях.

Только с Алёной всё было иначе: она давала в рот, трахала в зад. Такого усердия я никак не ожидала от рыжеволосой девственницы-скромнице. Она и сама дивилась необычному либидо:

— Это мрак, — хваталась она за голову после очередной разрядки. Разрядившись, она обычно приходила ко мне на кухню попить чайку. Влад, затраханный, но довольный, оставал в зале, прихорашивался для новых встреч с рыжей бестией. Он боготворил Алёну, по-детски ревниво следил за её передвижением, общением с другими мужчинами, налаживанием связей с Рыженковскими членами бандформирования. Их члены вяло болтались, подпрыгивали, пробиваляемые конской мошонкой девочки с железобетонным долотом. Алёна долбила их в комнате для отдыха, по одному обращая в новую веру.

Второй приглашённый, Макс Левченко, был близким другом Давиденко, и у нас не возникло проблем в заманивании его на квартиру. Проблемы начались, когда качок Левченко отказался надевать наручники для бдсм-игры с Анжелой.

В отношениях он играл роль доминанта и позиционировал себя как властный женоненавистник. Ни о каком связывании не могло быть и речи. Трахнув Анжелу в зад на пару с поработённым Давиденко, Макс удалился навеселе, оставив команду захвата несолено хлебавши. Мы переживали неудачу, сидя в соседней комнате, извлекали урок из первых неловких проб пера.

В следующий раз мы были более дальновидными и напоили Левченко снотворным. Когда Макс уснул, Дасти на пару с Владом принялись за работу. Стокилограммовый боров Левченко бугрился мышцами — не под стать худосочному Давиденко, с которым на несомненно повезло.

Сложно представить, какое сопротивление оказал бы качок Левченко, окажись он связанным без снотворного. Парень отмахивался даже во сне. Мы стягивали с него одежду, боясь приблизиться. Давиденко тоже зачем-то разделялся, хоть его не просили. Видимо, он надеялся, что, закончив с Левченко, Алёна по простоте своей душевной да удовольствия ради трахнет и его.

По-борцовски обхватив бизонью тушу Левченко, заняв место в партере снизу, Влад Давиденко открыл чёрный вход товарища на растерзание Дасти. Та не преминула воспользоваться случаем порвать ещё одну девственную мужскую целку. Хорошенько смазав и себя, и сонного борова, она медленно опустилась на бутерброд из двух мужчин, сантиметр за сантиметром вгоняя каменный член, как всегда залитый сталью по случаю неминуемого соития.

Качок Макс заревел от боли, даже в сонной отключке он сражался на ринге, отмахивался жерновами-ручищами. Раб номер один Влад Давиденко сцепил щиколотки за спиной товарища, не давая ему вырваться, удерживая его в таком положении всё время, пока Дасти выбивала спесь из девственной задницы.

Алёна держалась героически, в новой непривычной для себя роли Хозяйки она покорно принимала судьбу. Необычное либидо росло с каждым днём, закреплялось в каждом соитии. В загруженные дни она могла кончать по десять-двадцать раз за смену, но и это ограничение указывало лишь на нехватку времени, а не на физические возможности, коих у Даст было выше крыши. Новоиспечённая Хозяйка Даст активно реализовывала похоть с рабами, испытывая при этом мужское удовольствие.

Качок Макс Левченко ушёл в наркотический анальный оргазм так же громко и слащаво, как это сделал в своё время Влад Давиденко. Оба они лежали в объятиях друг друга, и Влад женскими охами призывал Алёну расправиться с ним очередным впрыскиванием. Всё это время, пока проходило посвящение раба в гарем, я находился в комнате, стоял наготове. Вдруг Алёне понадобится смазка или наручники?

Тогда ещё она просила меня «побыть рядом», словно стеснялась потерять контроль над собой и своей похотью. Она действительно слетала с катушек, когда трахала. С мужским остервенением сношала рабов в рот и попу, осеменяя их раз за разом.

Поведение Давиденко сильно поменялось после первого анального оргазма. Он сам признался, что кончает каждый раз кончает Алёна.

«Смазка, сочащаяся из её члена, запускает процесс», — пришёл я к выводу, наблюдая со стороны за соитиями.

Парни, как ошалелые, ловили любовные выделения рыжей, принимали их в анус, рот и на тело.

Пассивная роль в сексе быстро меняла их предпочтения в одежде, развлечениях, манерах. В присутствии Алёны они становились ревнивыми, обидчивыми, романтичными.

Алёна тоже училась общаться с гаремом. Поначалу стеснительная в выражении мужской похоти, направленной на женомужчин, она скоро вошла во вкус. Приказы сыпались как из рога изобилия на бедные головы исполнительных рабов. Алёна капризничала по-женски, сношала по-мужски, наряжалась по-девичьи, кончала по-пацански. Она хватала за волосы одного, прыскала бирюзой на анус и выбритую мошонку другого. Рабы слизывали бирюзу, по-братьски делились Алёниной спермой. Ей тоже доставляло удовольствие смотреть на женские игры рабов-мужчин.

Первые два наложника Влад и Макс привели третьего, ничего не подозревающего Михаила Тихона, и весь процесс посвящения повторился с той лишь разницей, что Тихон отказался от чая, заподозрив неладное. Не найдя ничего лучшего, Анжела настойчиво предлагала другие напитки. Михаил действовал вразрез с ожиданиями. Жизнерадостные заговорщики, перемены во внешности и манерах Влада и Макса приводили его в замешательство.

Позднее, общаясь с Тихоном, я узнал, что он дико очковал в тот вечер. Влад и Макс вели себя подозрительно, рассказал Михаил. Яркие рубашки, жеманные переглядки, перешёптывание, волосы, зачёсанные назад, зализанные гелем, чего раньше с ними никогда не случалось, — всё указывало на то, что парни вступили на голубую стезю, а значит, держаться от них надо подальше. Неловкое приглашение провести вечер в обществе молотильной машины «Вирекса», пышногрудой Энжи Loveренкиной, тоже не способствовало установлению доверительных отношений. В итоге весь процесс обернулся для Михаила ужасной пыткой. Два первых номера держали бьющегося в истерике, связанного по рукам и ногам мужика, чьи глаза вылезли на лоб при виде огромной дубинки, замершей между ног обворожительной рыжеволосой девушки. И два бильярдные шара колыхались в мошонке, залупа размером с

расщеплённый персик венчала член-монстр.

— Потерпите немного, пролепетала Алёна, впервые ощущив неправомерность насилия. — Скоро вам будет хорошо.

Михаил замычал в ответ, завертел головой. Влад и Макс, раздевшиеся для ритуала, насели на него сверху. Их выбритые яйца, поникшие пенисы тёрлись о спину и шею. Ужас, застывший в глазах раздетого Михаила, его болезненные хрипы привели меня в отчаяние. Я не так представлял себе освобождение рабов из-под гнёта Секты.

Алёна действовала не спеша: как врач, делающий ребёнку укол, просила расслабиться, не сжимать ягодицы, не напрягать сфинктер. Она орудовала пальчиком, нежными ласками призывала неофита отпустить очко, отдаться анальным играм. Иногда она опускалась лицом к попе Михаила и поцелуями, горячим дыханием требовала от него пустить всё на самотёк. В этом ей не было равных: свести акт насилия в любовную игру.

Напуганный до чёртиков Михаил по требованию Дасти был оставлен в покое. Она опустилась перед связанным мужчиной на коленки, взяла его поникший пенис в рот и принялась делать минет, чего мы, находящиеся в комнате, никак не ожидали.

«Алёна Милосердная», — мелькнула мысль.

Она делала минет и одновременно играла средним пальчиком с анусом Михаила.

Постепенно она срывала ещё одну нераспечатанную пломбу, убеждая пугливую тёлку не очковать и вступить в стройные голубые ряды бирюзового гарема. В ход пошёл анальный расширитель, специально приобретённый для первопроходцев. Предыдущий опыт показал, что мужчина, непривыкший к размеру Алёны, не знавший анального оргазма, проходя испытание впервые, страдает неимоверно. Анальный расширитель раздвинул стенки сфинктера до размера бутылки. Одновременный минет вызвал у Михаила привыкание. Связь между удовольствием и болью постепенно усредняла ощущения, в которых в итоге удовольствие возобладало над болью. Тщательно смазанный растянутый расширителем анус Михаила издал нежный «чпок», когда Алёна наконец насадила волосатого девственника на каменный перст. Она бережно скользила десятками сантиметров толстого, как гриф штанги, члена. Рукой она подрачивала член Михаила, и видно было, как его зрачки закатываются под воздействием предвестников бирюзовых выделений. Смазка, источаемая Алёной, впитывалась кишечником, усваивалась через кровь как торжество женской нежности над грубой мужской силой.

Алёна отпустила руку, и мы смотрели загипнотизированные, околдованные змеиной песней, льющейся из пышных бёдер рыжей Весталки. Она сношала Михаила, постепенно ускоряя темп, набирая скорость для финального взрыва, который созревал в пухлых яйцах Алёны, передавался по крупице Михаилу. Он кончил одновременно с членом, долбящим его изнутри. Без всяких касаний и фрикций его вялый член задёргался на лобке, выталкивая белые сгустки спермы на живот и шлепком по ягодицам.

— А теперь подроочить, — она коварно улыбается.

Хмыкаю.

— Давай помогу, — берусь правой рукой за елду, торчащую уже между сисек.

Алёна выгибается в копчике, соски затвердели. Она тянется к своему члену ротиком и накрывает залупу губами.

Стягиваю презерватив.

— Так будет приятнее, как считаешь?

— Угу, — мычит она, отдаваясь удовольствию автоминета.

Я дрошу нежно, как себе, одновременно ускоряясь бёдрами. В моём ритме просыпается закалка старого бойца. Очарование растёт, равно как и наше общее желание кончить. Дроить у Алёны — милое дело. Она залита сталью, слюна обволакивает территорию икс. Я натираю её до блеска. Рыжая чмокает губами, стукаясь ртом об мой кулак, которым я уже не стесняюсь гоняю остатки терпения на Алёнином конце.

Она взрываеться расширением плоти, словно член в моей руке недостаточно толстый. Головка оползает на кулак. Я сжимаю дубину, из которой брызжет бирюзовая сперма.

Алёна, слегка отодвинув голову назад, ловит себя приоткрытым ротиком, заигрывает язычком с упругим расщеплённым персиком, играющим на кулаке. Струи спермы вылетают из подрагивающей палки. Одновременно анус Алёны вытворяет чудеса: он сжимается так же ритмично, как её член расслабляется в моей руке. Я не выдерживаю доения и опрокидываю свою порцию бирюзы в кишечник Алёны. Она заполняется под завязку ночными сбережениями. Собственные устремляются в желудок, мои остаются в кишечнике.

Мы лежим, разомлевшие после необычного утреннегоекса. Мой каменный член по-прежнему глубоко внутри, варится в бирюзовом вареве спермы. Алёнина член медленно теряет высоту. Твёрдость держится в нём ещё минут десять. даже моя колбаса вяло опала в кишечнике, обжатая у корня расслабленным сфинктером. Алёна извлекает растянутый презерватив из-под подушки, накидывает его на опавшую змею, едва скрывает головку под резиновым кольцом, как тонкая золотая струя устремляется в мешочек кондома. Алёна вновь стонет, облегчение даётся через силу. Странное подрагивание, дрожащее, струящееся вдоль вялого члена, мигом приводит меня в боеготовность. Я заливаюсь камнем за две секунды, и тут же затыкаю течь. Моча замирает в Алёниной вялой колбасе.

— Что ты делаешь? — хихикает Алёна.

— Сейчас посмотрим, что из этого получится, — теперь мой черёд коварно улыбаться.

Я влетаю в мягкий распустившийся анус по собственным выделениям. Алёна стала мягкой и податливой, как сдобная булка. От былой мужской твёрдости не осталось и следа. Беру её за яйца, оттягиваю их вниз, по очереди разминаю теннисные мячики в кулаке.

— Засади мне, — стонет Алёна.

— Куда прикажете в этот раз? — ухмыляюсь, поцелуями прохаживаясь по плечу.

— В писю, — шепчет Алёна, краснее на глазах.

Достаю залитую бирюзой елду, втыкаю её под мошонку, где половые губы стерегут целку Весталки.

— Пора тебя распечатать, — хмыкаю.

— Угу, — мычит Алёна, обсасывая большой палец моей левой руки, просунутой под голову. Девственная плева тянется внутрь, не соглашаясь с непрошеным гостем. Детские мечты, сны покидают нетронутую Вазу, духом утраченной юности устремляются наружу.

Я вгоняю осиновый кол до конца. Он с трудом прорывает девственную плоть, проникая по влагалищу в трубу, ведущую в матку, наконец упирается залупой в предел глубины. Все теперь уже тридцать три сантиметра понадобились мне для того, чтобы достать Алёну в её первом настоящем акте любви.

Она лежит с широко открытыми глазами. Её член опять заливается сталью. Алёна, чтобы отвлечься от наболевшего, бросается делать себе минет. Она похожа на мишку, сосущего лапу. Только вместо лапы длинный толстый штык, торчащий из паха, куда я долблю Алёну в

распечатанное горлышко вазы. Алёна шмыгает носом, всхлипывает, на глаза наворачиваются слёзы.

— Всё в порядке? — останавливаюсь, с тревогой оглядываю поле сражения. На Алёнином лице застыло растерянное выражение непонимания.

— Да, — она активно кивает, оторвавшись на секунду от себя. — Ты только не останавливайся и не обращай на меня внимания.

— Тебе не больно?

— Нет, это я от счастья плачу, — она улыбается блестящими глазами.

— Странная реакция.

— Сама не знаю, почему так. Ты только не останавливайся, — она ёрзает попой, насаживаясь на член самостоятельно.

— Ну смотри, — правой рукой цепляюсь за бедро и активными движениями достигаю прежней крейсерской скорости. Алёна отсасывает у себя, как ненормальная, словно забыла, что это её член, а не чей-то ещё.

Я кончаю мягкими толчками, добивая в предел не знавшую любви матку, наполняю её острыми струями посветлевшей бирюзы. В этот момент срывается и Алёна. Её член бьётся в детских ручках, которыми она бойко загоняла себя в оргазм.

Рот рыжей в очередной раз наполняется бирюзой. Её попа подтекает семенем. её свежераспечатанная ваза изнывает от бирюзовой пропитки. Её желудок заполнен собственным экстрактом, судя по отзывам, весьма питательным и сладковатым.

— Ну вот и позавтракала, — срывается с языка.

Мы трясёмся от смеха, ржём минут пять, забывая про неясности полового определения ролей. Алёна в свойственной все девственницам манере растекается щенячьими ласками и лобызанием.